

Общие ценности в формировании современной технико-экономической парадигмы*

**Ольга Александровна
РОМАНОВА**

Институт экономики УрО РАН
620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29
econ@uran.ru

**Виктория Викторовна
АКБЕРДИНА**

Институт экономики УрО РАН
620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29
akb_vic@mail.ru

**Николай Ювенальевич
БУХВАЛОВ**

Пермский национальный исследовательский политехнический университет
614990, Россия, Пермский край, г. Пермь-ГСП, Комсомольский
проспект, д. 29
nbukhvalov@mail.ru

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ №16-02-18009 «Эмпирическое исследование корпоративной демографии в России: структурные изменения, кризисы и жизненный цикл».

Аннотация. В статье представлена эволюция понятия технико-экономической парадигмы. Подчеркнуто, что значительное влияние на формирование современной технико-экономической парадигмы оказывает концепция преобразующего инвестирования (импакт-инвестирования). В рамках данной концепции «общие ценности» рассматриваются как центральный элемент стратегии развития любого государства. Идеология общих ценностей основана на прагматических принципах, создающих экономическую стоимость для удовлетворения интересов общества. Она строится на «трех столпах устойчивого развития» – это планета, люди и прибыль. Выделено три основных типа импакт-инвестирования – обуславливающее инвестирование, развивающее инвестирование, локализирующее инвестирование. Выделены важнейшие направления импакт-инвестирования. Обоснована целесообразность имплантации идей импакт-инвестирования на уровень отдельных хозяйствующих субъектов, что позволило сформировать специфический подход к управлению социально-экономическими системами микроуровня, получивший авторское название «импакт-менеджмент». Идеи импакт-менеджмента как управленческой технологии, призванной стимулировать развитие общих ценностей и повышать заинтересованность каждого в общих итоговых результатах работы, апробированы в условиях одного из крупнейших предприятий оборонно-промышленного комплекса – ПАО «Мотовилихинские заводы». Обосновано, что идеи импакт-инвестирования в значительной мере соответствуют идеям инклюзивного развития, что позволило констатировать сущностную идентичность этих процессов. Введены понятия «структурная инклюзия» и «пространственная инклюзия». Отдельные элементы пространственной инклюзии проиллюстрированы на примере Свердловской области.

Ключевые слова: технико-экономическая парадигма; преобразующее инвестирование (общие ценности); инклюзивное развитие; структурная инклюзия; пространственная инклюзия; импакт-менеджмент; агломерации.

Введение. Геополитическая реальность, сложившаяся в результате трансформационных изменений в системе международных отношений, определила появление феномена «security-development-nexus», то есть взаимозависимости безопасности и развития [10]. В этих условиях значимость повышения уровня социально-экономического развития государства будет определяться не только возможностями улучшения качества жизни, повышения уровня благосостояния населения, развития человеческого капитала, но и возможностью занятия страной достойного места в мировом сообществе, обеспечивающего ее национальную безопасность. Особое значение имеет доминирование лучших практик мирового экономического развития, формирующих так называемую технико-

экономическую парадигму в экономическом пространстве той или иной страны. Парадигма чаще всего рассматривается как общепризнанные научные достижения, которые «в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений» [12, с. 11].

Современная экономическая наука также достаточно активно использует понятие парадигмы. Оно используется как в теории длинных волн, так и при характеристике определенных этапов развития общества (так, например, парадигма постиндустриального общества). Любая технико-экономическая парадигма, появление которой характеризуется новым ключевым фактором, выступающим в качестве основы системы технологических и управленческих нововведений, влечет за собой не только

более интенсивное использование ключевого фактора, но и изменение качества трудовых ресурсов, форм организации производства, а зачастую меняется и институциональная структура общества на разных иерархических уровнях. В этот период возрастают вложения в новую инфраструктуру, создающую условия для развития отраслей, производящих и потребляющих ключевой фактор [7, с. 143]. Понятие «техно-экономической парадигмы» используется также с позиции рассмотрения процесса структурной перестройки промышленности как триединого процесса технологической, отраслевой и институциональной перестройки [15, с. 10; 11, с. 48]. Снижение потенциала доминирующей техно-экономической парадигмы свидетельствует о наступлении структурного кризиса, что является одним из факторов, предопределяющих потребность в формировании новой парадигмы.

Среди многочисленных трактовок понятия техно-экономической парадигмы представляется наиболее полным понятие, предложенное К. Перес. Ее определение позволяет выделить сущностную основу техно-экономической парадигмы, которая рассматривается как «модель наилучшей деловой практики, состоящая из всеобъемлющих общих технологических и организационных принципов, которые отражают наиболее эффективный способ воплощения определенной технологической революции в жизнь и то, как следует пользоваться революцией для оживления и модернизации экономики. Когда эти принципы становятся общепринятыми, они определяют «здравый смысл», основу, на которой строится любая деятельность или институт» [14, с. 40].

Установлено, что изменения, вызванные становлением новой техно-экономической парадигмы, не ограничиваются экономикой, а проникают как в политическую сферу, так и в общественную идеологию [21]. При утверждении новой техно-экономической парадигмы происходит, с одной стороны, своеобразная консолидация общих принципов, которыми регулируются взаимоотношения участников экономического развития, с другой — устанавливается взаимное соответствие изменений, происходящих в институциональной системе страны.

Концепция преобразующего инвестирования (импакт-инвестирования). Значительное влияние на формирование современной техно-экономической парадигмы оказывает концепция преобразующего инвестирования (импакт-инвестирования, Impact Investing). В рамках данной концепции «общие ценности» (Shared Value) рассматриваются как центральный элемент стратегии развития любого государства. При этом общие ценности не являются синонимом терминов «социальная ответственность», «благотворительность», «устойчивое развитие». Их идеология основана на прагматических принципах, создающих экономическую стоимость для удовлетворения интересов общества. В рамках новой техно-экономической парадигмы бизнес не просто должен служить интересам общества, а «это служение должно быть основано не на благотворительности, а на глубоком понимании механизмов конкуренции и создания стоимости» [27].

История импакт-инвестирования берет свое начало с 2007 года — с момента, когда Фонд Рокфеллера учредил «Impact Investing

Initiative». С этого времени развиваются методы и финансовые инструменты преобразующего инвестирования, появляются собственные стандарты и институты. В 2009 году начала работу Глобальная сеть Impact Investing (GIIN). В последние годы концепция импакт-инвестирования все больше глобализуется. Не только отдельные проекты, но и даже правительственные программы Impact Investing осуществляются в Австралии, Бразилии, Голландии, Индии, Мексике и др. Разработаны и применяются на практике классификации, базы данных и стандарты оценки проектов, идущих в русле импакт-инвестирования.

«Импакт-инвестирование» — это имя-концепт новой волны финансовых технологий, формирующейся уже не первое десятилетие. В отличие от законов, не имеющих обратной силы, понятие «импакт-инвестирование» нацелено на активное освоение прошлого, поглощение и переосмысление его финансовых изобретений и практик. Основной классификационный инструмент импакт-инвестирования — это матрица, представляющая собой таблицу 3×3, в основе которой заложена разработанная ранее концепция тройного критерия (англ. Triple bottom line, TBL или 3BL). В рамках данной концепции предполагается, что собственники и руководство компаний должны учитывать не только финансовые показатели, но и результаты ее деятельности в социальной сфере и экологии. Концепция выведена в 1994 году американским экономистом и предпринимателем Джоном Элкингтоном [17]. Идеология импакт-инвестирования строится на «трех столпах устойчивого развития» — это планета, люди и прибыль. Основой, предопределившей развитие импакт-ин-

вестирования, явилось взаимодействие нижеперечисленных четырех ключевых факторов [25]:

- возрастающий перечень практик, которые демонстрируют возможность инвестирования в масштабные бизнес-модели, итогом реализации которых становятся социально значимые результаты;
- растущее понимание принципиальной нехватки ресурсов на фоне роста бедности, неравенства, разрушения окружающей среды и других комплексных, глобальных проблем;
- углубленный анализ рисков инвестиционных решений, инициированный финансовым кризисом 2008—2009 гг.;
- переход богатства в индустриальных странах к новому поколению состоятельных индивидов, готовых реализовать свои личные амбиции и ресурсы в формате общественно значимых проектов.
- Систематизация исследований в области импакт-инвестирования позволила выделить три основных его типа, непосредственно связанных с формирующейся новой технико-экономической парадигмой:
  - импакт-инвестирование первого типа («обуславливающее инвестирование») — это разработка новых финансовых технологий, инструментов и стандартов, формирование нового слоя управляющих и посреднических структур для обеспечения доступа инвесторов «глобального Севера» в те сферы экономики «глобального Юга», которые ранее были для них недоступными;
  - импакт-инвестирование второго типа («развивающее инвестирование») — использование новых инвестиционных инструментов для решения социальных и экологических проблем, преодоления бедности, вовлечения локальных инвесторов и

местных сообществ в совместное участие в деятельности, направленной на ускорение социально-экономического развития;

- импакт-инвестирование третьего типа («локализирующее инвестирование») – отработка методических рекомендаций, технологий, инструментов экономической политики для правительств, заинтересованных в привлечении нового класса инвестиций на конкретную территорию.

Вне зависимости от типа импакт-инвестирования, комплементарной целью инвестирования всегда выступают общие ценности (Shared Value), называемые иногда комбинированными ценностями (Blended Value). В процессе импакт-инвестирования принимают участие несколько агентов: поставщики инвестиций, их получатели и посредники между ними. У каждого из участников имеются свои цели и ценности. Как минимум один из участников (чаще всего – инвестор), стремясь к достижению своих целей, сознательно учитывает цели и ценности других участников и содействует их достижению. Это способствует получению, наряду с коммерческим эффектом, ряда других эффектов, которые могут характеризоваться следующими показателями эффективности:

1. Социальная эффективность вместо социальных последствий. Социальные последствия являются целью организаций, которые занимаются предпринимательской деятельностью в сфере социальных и экологических проектов. Социальный эффект – это более широкое понятие. Оно включает в себя совокупность таких результатов, как улучшение качества базового благосостояния для нуждающихся людей, смягчение последствий изменения климата и др. Поскольку социальные результаты чаще других подвержены влиянию внешних

факторов, то их крайне сложно отнести на счет деятельности конкретной компании.

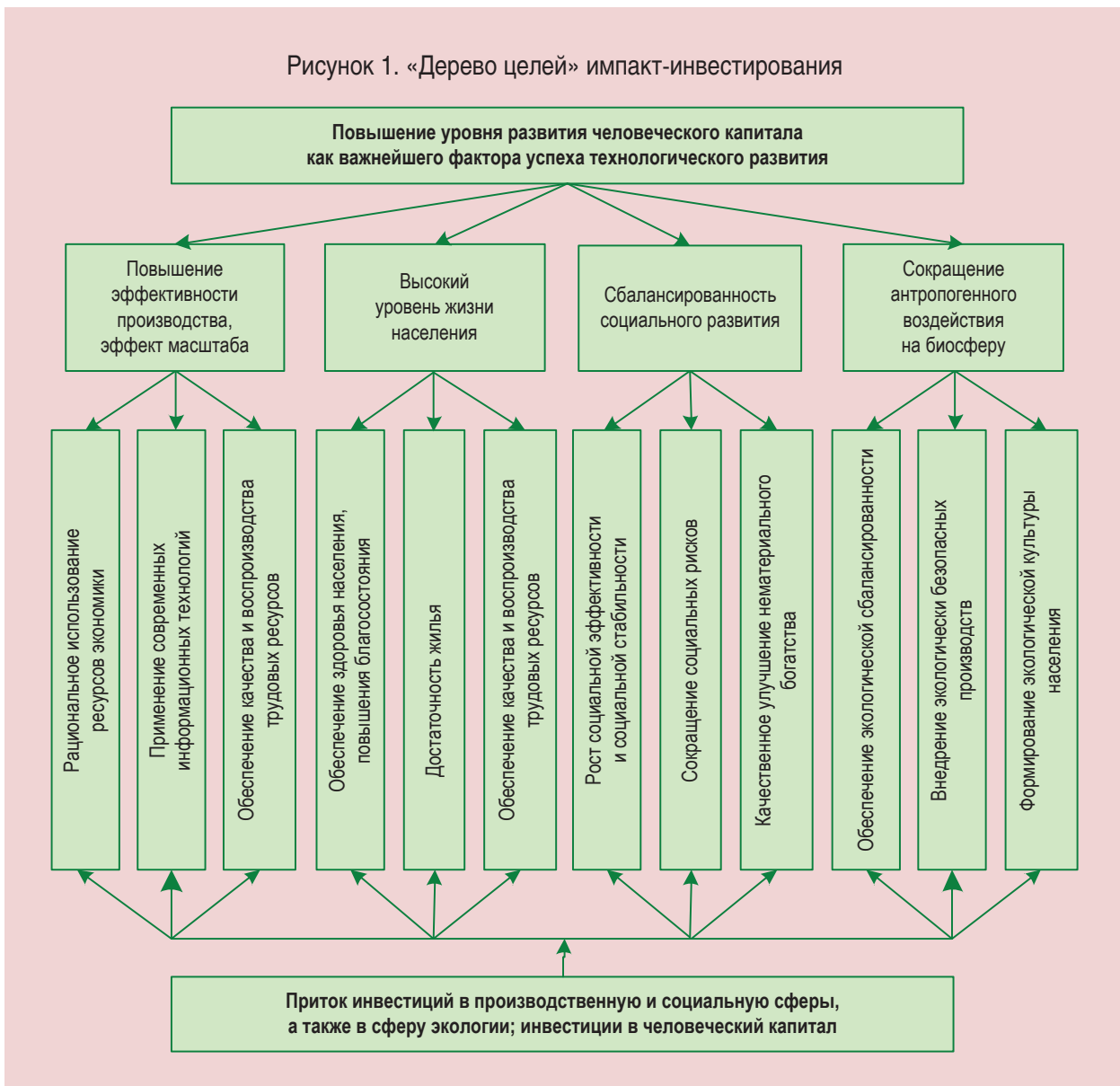
2. Социальная отдача от инвестиций (SROI). Идеология SROI – это смещение целей от окупаемости инвестиций к пониманию социальных эффектов от реализации проекта. SROI позволяет получить полную картину того, как создается стоимость, когда процесс принятия решений основывается на учете социальных, экологических и экономических издержек, а также получаемых при этом выгод.

3. Импакт-инвестирование вместо социальной ответственности бизнеса перед обществом. Социальная ответственность перед обществом исторически сложилась в формате бизнес-этики (ограничение деятельности в сфере производства алкоголя, табака, азартных игр и т.п.). В отличие от этого, импакт-инвестирование создает денежные потоки, которые приводят не только к повышению финансовой отдачи, но и оказывают позитивное воздействие на широкий круг участников инвестиционной деятельности. «Дерево целей» импакт-инвестирования может быть представлено в виде схемы (рис. 1).

Среди важнейших направлений преобразующего инвестирования прежде всего можно выделить *инвестиции в человеческий капитал*. Данное направление связано с вложениями в целях воспроизводства человеческого капитала: увеличение реальных доходов населения и рост качества и уровня жизни; формирование государственных гарантий в части оплаты труда, обеспечивающих воспроизводство человеческого капитала. Что касается демографического развития, то здесь можно отметить улучшение государственной политики в области демографии, направленной на нивелирование депопуляции населения страны, со-

Рисунок 1. «Дерево целей» импакт-инвестирования

кращение смертности, увеличение продолжительности жизни населения, снижение заболеваемости.

Не менее важным является *экологическое* направление импакт-инвестирования, которое позволяет снизить антропогенную нагрузку на окружающую среду, что обеспечивает не только национальную экологическую безопасность, но и достойный уровень жизни и здоровья населения при сохранении природных ресурсов. Все боль-

шую значимость приобретает финансовое направление импакт-инвестирования. Оно заключается в формировании системы стимулов социального инвестирования на длительный период: обеспечение достойного уровня жизни за счет роста социального капитала на макро- и микроуровнях, формирование эффективного человеческого капитала, а также развитие финансовых технологий, вызывающих положительный социальный эффект.

Импакт-инвестирование развивается и в *производственном* направлении, что позволяет увеличить инвестиции в развитие новых технологий в условиях гуманизации производства и условий труда. Наиболее успешно импакт-инвестирование развивается в благоприятной институциональной среде, что повышает значимость его *институционального* направления. Импакт-инвестирование, как и любой вид деятельности, во многом зависит от уровня развития инфраструктуры как центральной составляющей его *организационного* направления. Несомненна значимость *инновационно-информационного* направления, включающего трансформации в системе НИОКР и повышение инновационности экономического роста: формирование необходимых и достаточных условий для устойчивого функционирования НИОКР как сферы, формирующей ценный национальный интеллектуальный ресурс.

Таким образом, характерной особенностью современной технико-экономической парадигмы становится развитие концепции «общих ценностей», возникающих в результате преобразующего инвестирования (импакт-инвестирования).

Преобразующее инвестирование на уровне хозяйствующих субъектов. Концептуальные основы импакт-инвестирования включают в себя не только цели, задачи и принципы его осуществления на макро- и мезоуровнях. Представляется целесообразным развитие идей импакт-инвестирования на уровне отдельных хозяйствующих субъектов. Теоретические основы преобразующего инвестирования позволяют рассматривать данный термин применительно не только к инвестированию, а к управлению в целом. Такой специфический подход к управлению экономическими и со-

циально-экономическими системами, по нашему мнению, может быть назван импакт-менеджментом [5]. Концепция создания общих ценностей получила успешное развитие в трудах М. Портера и М. Крамера [26]. Здесь убедительно доказано, что компании, у которых развиваются тесные связи между их бизнес-стратегиями и корпоративной социальной ответственностью, добились значительных успехов. Что особенно важно отметить, такой феномен характерен не только для инвестирования, но и для всех аспектов управления социально-экономическими системами.

Особенностью современных систем управления является акцентирование внимания на системах, реализующих «холистический» подход, предполагающий учет всех сторон рассматриваемого явления. Нам представляется, что импакт-менеджмент исключает любой односторонний подход. Импакт-менеджмент предполагает управленческую деятельность, при осуществлении которой в процесс принятия решений вовлекаются все структурные подразделения конкретной бизнес-единицы, а также весь персонал организации. Понятно, что одной из наиболее естественных в рамках импакт-менеджмента подсистем системы управления в целом является управление персоналом. Комплексный характер причинно-следственных связей, определяющих поведение работников предприятия, позволяет рассматривать управление персоналом как объект, имеющий выраженный холистический характер. Персонал, как стратегический ресурс предприятия, во многом определяет его конкурентоспособность. В современных условиях значимость человеческого капитала определяется не только индивидуальными способностями персонала, но и тем, насколько велико его

желание работать на благо организации. Заинтересованность работника в итоговых результатах работы компании определяет эффективность его труда, а следовательно, и соответствующее положение компании в конкурентной среде.

То есть возрастает необходимость формирования такой целостной системы мотивации, которая бы рассматривала человеческий капитал как единую, холистическую, совокупность способностей и потребностей. С этой точки зрения продуктивно применение импакт-менеджмента к управлению персоналом. Особенностью данного управленческого подхода является применение не только традиционного контура системы оплаты труда, но и ряда мотивирующих факторов, не сводящихся лишь к материальному вознаграждению.

Импакт-менеджмент как управленческая технология, призванная стимулировать развитие общих ценностей и поощряющая заинтересованность каждого в общих итоговых результатах работы, имеет особое значение на высокотехнологичных предприятиях, и прежде всего оборонно-промышленного комплекса. Типичным представителем такого комплекса является ПАО «Мотовилихинские заводы». В период с 2010 по 2014 г. генеральным директором данного предприятия был один из авторов настоящей статьи (Н.Ю. Бухвалов). В этот период в ПАО «Мотовилихинские заводы» была разработана, широко обсуждена и принята «Концепция модернизации Системы мотивации сотрудников» (далее – Концепция).

Использование лучших мировых практик в области мотивации позволило сформировать такую модель системы мотивации персонала, в основе которой лежат два равнозначных блока. Один из них опре-

деляет HR-бренд предприятия, а другой – систему совокупного вознаграждения. Под HR-брендингом понимается создание благоприятного имиджа предприятия как работодателя. Такой имидж формирует образ предприятия как хорошего места работы в глазах всех заинтересованных лиц из разных целевых групп. Имидж зависит от набора выгод (экономических, профессиональных, психологических и т.д.), которые получает или получит работник, приняв решение присоединиться к коллективу сотрудников. Большое значение имеют также способы формирования идентичности предприятия, начиная с базовых основ и ценностей, включая то, как менеджмент доносит эту идентичность до всех заинтересованных лиц из различных целевых групп (внешние и внутренние коммуникации). Эффективный HR-бренд описывает систему «общих ценностей», аналогичных системам ценностей других компаний и специфических именно для этой конкретной компании. HR-брендинг предусматривает формирование реальной «рабочей среды», поддерживая как привлечение кандидатов, необходимых компании для достижения своих целей, так и дальнейшее удержание работников.

В соответствии с разработанной Концепцией была проведена оценка эффективности системы мотивации ПАО «Мотовилихинские заводы» и определен уровень удовлетворенности его сотрудников. Основным инструментом исследования являлась система измерения чистой лояльности персонала eNPS (employee Net Promoter Score). Реализованный здесь подход основан на модернизации известной методики измерения приверженности клиентов компании, основоположник этой методики – Фредерик Райхельд [16]. Особенностью

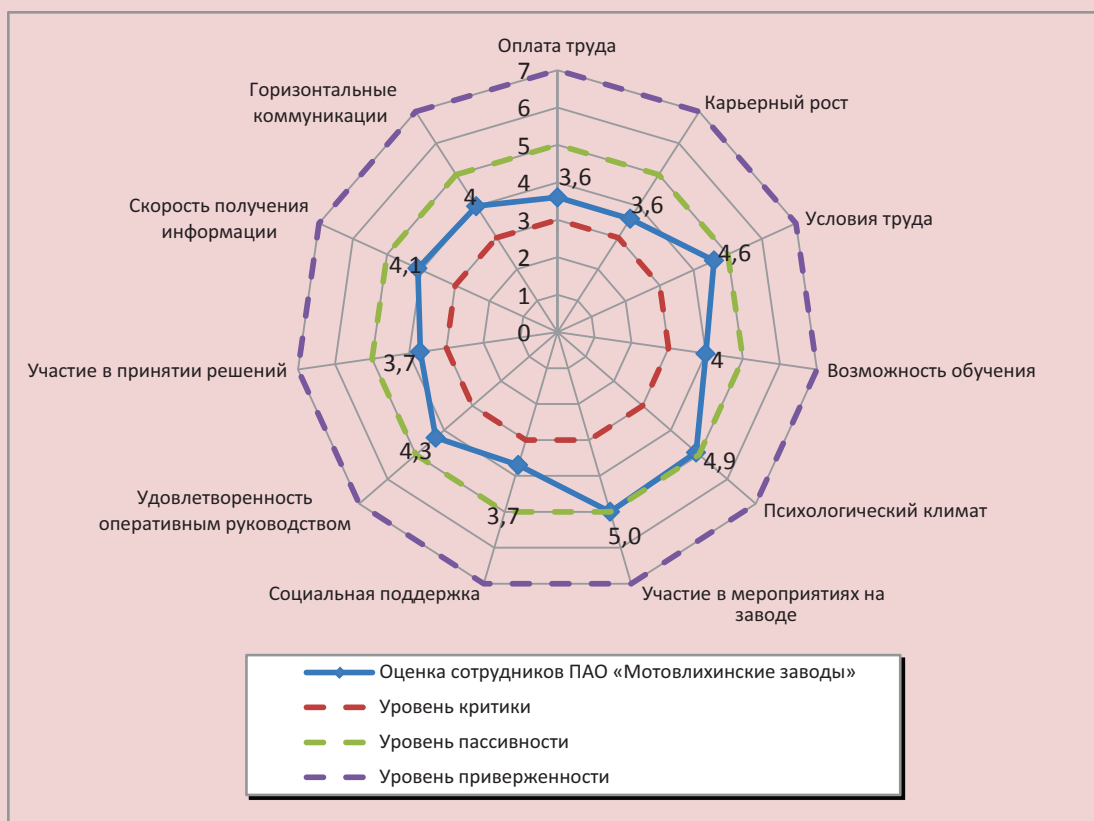

методики eNPS, принципиально важной при импакт-менеджменте, выступает ее холистическая суть. Это заключается, прежде всего, в выявлении интегральной оценки состояния системы в целом, проведение которой дает возможность установить влияние различных аспектов деятельности на итоговые результаты. Разработанная система создает целостный подход к модернизации системы управления персоналом и позволяет объективно оценить получаемые результаты. Уровень удовлетворенности сотрудников ПАО «Мотовилихинские заводы» определен в соответствии с методикой eNPS (рис. 2).

Диаграмма, представленная на рисунке, демонстрирует, что большинство оценок сотрудников расположены в зоне «пассив-

ности». Самым высоким средним баллом обладают параметры: психологический климат (4,9), участие в мероприятиях на заводе (5,0), условия труда (4,6). Самые низкие оценки были получены по параметрам: карьерный рост (3,6), оплата труда (3,6) и участие в принятии решений (3,7). Данные оценки дают возможность выделить наиболее проблемные зоны с точки зрения удовлетворенности персонала и определить границы целевого воздействия. Такое положение дел позволяет констатировать высокие актуальность и потенциал формирования HR-бренда предприятия. Учитывая это обстоятельство, можно рассчитывать на достижение значимых результатов относительно мало затратными методами формирования эффективного HR-бренда.

Рисунок 2. Уровень удовлетворённости сотрудников ПАО «Мотовилихинские заводы», баллов [5]

Проведенное исследование позволило выделить как проблемные, так и перспективные области с позиции уровня удовлетворенности персонала, а также определить границы зон воздействия на этот уровень. Выделены пять основных блоков модернизации системы мотивации персонала: три из них — в рамках системы совокупного вознаграждения и два — в рамках HR-бренда. В рамках системы совокупного вознаграждения, в соответствии с тремя составными частями оплаты труда, установлены три блока оплаты: за квалификацию, за интенсивность, за лояльность. Вознаграждение за квалификацию рассчитывается на основе фактически отработанного времени, согласно квалификации по тарифной сетке. Вознаграждение за интенсивность определяется в соответствии с результатами выполнения сменносуточных заданий по итогам месяца. Вознаграждение за лояльность определяется произвольно непосредственным руководителем. Руководитель полностью по своему усмотрению, но в установленных пределах решает вопрос о сумме поощрения. Соотношение соответствующих блоков оплаты в структуре совокупного вознаграждения за труд принято в равных долях. В развитие системы премирования за лояльность, потребовавшей детальной регламентации, создаются фонды владельцев бизнес-процессов. Размер фонда зависит от итогового результата работы всей компании, но размер индивидуального вознаграждения конкретного работника, его доля в распределяемом фонде устанавливается непосредственным руководителем по его личному усмотрению.

В рамках HR-бренда выделены такие блоки, как факторы почета и найм на карьеру. В последнем случае речь идет о создании механизма, предусматривающего возможность прогнозирования сотрудни-

ками личного и профессионального роста, самоопределения с точки зрения односторонности векторов личного развития и развития предприятия в целом. Данный механизм позволяет увеличить возможности профессионального роста, для чего был значительно расширен номенклатурный состав тарифной сетки, введено более мелкое разбиение ступеней категоричности. Важно отметить, что речь идет именно о специфическом подходе к управлению социально-экономической и производственной системами, то есть об импакт-менеджменте как новом развитии импакт-инвестирования. Можно также отметить, что управляющее воздействие в данном случае является преобразующим, способствующим достижению «общих ценностей», разделяемых как отдельным работником, так и предприятием в целом.

Инклюзивное развитие. Идеи импакт-инвестирования, т.е. преобразующего инвестирования, в значительной мере перекликаются с идеями инклюзивного развития. Термин «инклюзивность» чаще всего используется в сфере общественных отношений и трактуется как процесс участия всех людей в жизни социума, что позволяет говорить об инклюзивной политике, инклюзивной культуре, инклюзивной практике. Центром инклюзивного развития является человек, что предполагает приоритетность такой модели развития, которая обеспечивала бы социальную стабильность при определяющих факторах экономического развития, связанных с научно-техническим прогрессом, повышением культурного и интеллектуального уровня трудящихся, инновационным характером управленческой работы.

Систематизация тенденций развития, связанных с разнообразными аспектами проявления инклюзивности, позволила выделить четыре важнейших, по нашему

мнению, аспекта инклюзивного развития. Первый из них предполагает необходимость демократизации международных отношений и создания подлинно справедливого политического и экономического миропорядка. Второй аспект инклюзивного развития связан с принципами государственной политики, предполагающими равный доступ к новым возможностям и благам развития как отдельных слоев населения, так и отдельных стран. Особое значение здесь имеет доступность качественного образования. Третий аспект инклюзивного развития – это эффективная политика в области охраны окружающей среды и климата. Четвертый аспект – мощные интеграционные процессы, которые происходят на разных территориях мира, в частности в Азиатско-Тихоокеанском регионе [8].

Сопоставительный анализ тенденций и направлений развития импакт-инвестирования и инклюзивного развития позволил констатировать сущностную идентичность этих процессов, что определяет возможность конвергенции основополагающих принципов отмеченных концептуальных подходов как принципиальной особенности формирующейся новой технико-экономической парадигмы. В развитие идей инклюзивного развития нам представляется целесообразным ввести в научный оборот такие понятия, как «структурная инклюзия» и «пространственная инклюзия». Под структурной инклюзией мы понимаем вовлечение в вектор высокотехнологического развития среднетехнологических отраслей и модернизацию низкотехнологических отраслей. Принципиальной сутью пространственной инклюзии является, по нашему мнению, вовлечение слабо- и средне-развитых в технологическом и экономическом отношениях территорий в общий воспроизводственный цикл экономического развития.

Структурное развитие экономики подчинено циклическим колебаниям, в ходе которых проявляются свойства самоорганизации, способность к изменчивости и адаптации. В процессе формирования современной технико-экономической парадигмы теряют свою значимость те положения устаревающей парадигмы, которые были основаны на материальных факторах структурных сдвигов. Структурно-определяющими ресурсами изменений в экономике становятся интеллектуальные ресурсы. Их активное использование определяет не только процессы циклической смены технологических укладов, но и инклюзию среднетехнологических секторов, обладающих мощным потенциалом развития, в формирование высокотехнологического базиса экономики.

Таким образом, предпосылками появления структурной инклюзии являются конвергенция технологий и высокий потенциал развития среднетехнологических отраслей. Конвергенция технологий предполагает не только взаимовлияние, но и взаимное проникновение промышленных технологий, когда принципиально новые результаты появляются на стыке разных научных направлений, то есть в итоге междисциплинарных исследований. Еще раз повторим, что в процессе структурной конвергенции технологическая динамика определяет как создание базиса новых технологий, так и инклюзию среднетехнологических секторов, которые уже в краткосрочном аспекте могут стать драйверами роста.

Пространственная инклюзия, как выше было отмечено, характеризует процесс вовлечения всех типов территорий в социально-экономическое и технологическое развитие страны на основе конвергенции их уровней развития. Исследование процессов пространственной инклюзии приоб-

ретают все большую значимость, ибо снижение пространственного неравенства и, как его следствия, социальной напряженности является одной из важнейших задач государства. Существует гипотеза, которая может быть непосредственно применена к пространственной инклюзии и которая констатирует, что, как бы ни различались между собой региональные экономические системы, в процессе эволюции они отбрасывают неэффективные институциональные формы, отбирая и сохраняя эффективные. Поэтому в конечном счете все они после такого эволюционного отбора становятся относительно тождественными. Аргументы сторонников этой гипотезы состоят в том, что новейшие технологии, средства коммуникаций и транспорта распространяются повсеместно, создавая единую технико-технологическую основу для стирания страновых различий [22, 24]. Общие тенденции и императивы научно-технического и социально-экономического прогресса обуславливают сближение,

т.е. конвергенцию, экономик все большего числа стран при сохранении их национальных особенностей.

Отмеченная гипотеза позволяет выделить факторы, которые оказывают определяющее влияние на формирование и развитие пространственной инклюзии (рис. 3).

Можно отметить некоторые управленческие меры, приводящие к снижению межтерриториального неравенства: стимулирование технологического прогресса, меры по структурной перестройке экономики регионов, развитие инфраструктуры, межрегионального и международного сотрудничества и т.д. Выявленные факторы представляют основу формулировки предлагаемой нами гипотезы, суть которой состоит в том, что неотъемлемым атрибутом пространственной инклюзии являются структурные и функциональные изменения внутри региональных систем. Эти изменения, в свою очередь, связаны с изменением соотношения и роли важнейших институтов общественной жизни — инсти-

Рисунок 3. Основы формирования пространственной инклюзии

тутов самоорганизации и государственного регионального управления. В основе гипотезы лежит идея о том, что имманентная черта инклюзии заключается в *равноценности доминирующих базовых институциональных порядков*. Процесс пространственной инклюзии предполагает максимальную взаимодополняемость, сопряженность указанных институциональных порядков. Поэтому главное преимущество пространственной инклюзии заключается в возможности одновременного использования потенциалов разных институциональных форм и порядков, основанных на самоорганизации и государственном управлении.

В соответствии с предложенной гипотезой пространственной инклюзии эффективная региональная политика способна не только выводить технологически отсталые регионы на траекторию роста и предотвращать нарастание межрегионального неравенства, но и обеспечивать повышение темпов роста национальной экономики. Еще одним аргументом в пользу вышеприведенной гипотезы являются современные представления об эффективной политике, воплощенные в понятии «новая экономическая география» (New Economic Geography) [20, 23]. Данное понятие позволяет интегрировать в единый комплекс основные принципы и положения научно-технологической, промышленной, социально-экономической, инновационной и региональной политики. На наш взгляд, только такая интеграция позволяет подойти к решению проблемы пространственной инклюзии. В ее основе должно лежать согласование темпов развития различных структур в рамках более крупной макроструктуры посредством диффузионных или диссипативных процессов. В настоящее время существенное различие уровней развития близко расположенных территорий приводит к тому, что уровень раз-

вития одной территории служит фоном для развития другой. Поэтому медленно развивающиеся, отстающие муниципальные образования и регионы служат так называемым нулевым фоном для быстроразвивающихся регионов. Реализация принципов инклюзии будет способствовать сближению уровней социально-экономического и технологического развития отдельных регионов, повышению их конкурентоспособности в рамках макрорегионов, а в перспективе — занятию более выгодных позиций в системе национальных и мировых экономических обменов.

В качестве примера можно привести новые подходы к организации пространственного развития территорий, реализующиеся на Среднем Урале (Свердловская область). Это один из немногих субъектов РФ, где разработана региональная стратегия, оформленная в качестве Закона Свердловской области «О Стратегии социально-экономического развития Свердловской области на 2016–2030 годы» [9].

В данной Стратегии выделены три важнейших приоритета, сформулированных как достижение нового качества жизни, проведение новой индустриализации и развитие территории, привлекательной для жизни и бизнеса. Что касается последнего приоритета, то его реализация в полной мере соответствует принципам пространственной инклюзии. Промышленность области с точки зрения пространственного развития более чем на 90% сосредоточена на ее трех ключевых территориях. Именно эти три территории концентрируют более 85% инвестиционных вложений. С целью концентрации усилий на перспективных точках роста в рамках Стратегии предусмотрено формирование трех агломерационных образований. Они обладают мощными городскими ядрами, высоким уровнем человеческого потенциала, высоким

инвестиционным потенциалом, а также выраженной концентрацией промышленных и инфраструктурных секторов экономики. Речь идет о Екатеринбургской агломерации (г. Екатеринбург и промышленное кольцо вокруг него), Горнозаводской агломерации (города Нижний Тагил, Верхняя и Нижняя Салда, Новоуральск, Лесной, Качканар и др.), Серовской агломерации, включающей города Серов, Североуральск, Краснотурьинск и другие. В Серовской агломерации, в отличие от двух вышеуказанных, нет явного доминирующего центра и в настоящее время просматриваются довольно слабые предпосылки развития территории путем формирования агломерации. Самый большой потенциал у Екатеринбургской агломерации – одной из наиболее сформировавшихся в России. Именно эта агломерация может стать реальным источником развития всей области. Представляется также чрезвычайно перспективным использование уникальной ситуации, когда два крупных города – Екатеринбург и Челябинск, примерно равных по размеру и значимости, расположены очень близко друг к другу. Это создает реальную основу формирования крупной конурбации, то есть городской агломерации полицентрического типа.

Формирование агломераций в Свердловской области, вовлечение в их орбиту слаборазвитых территорий, повышение мобильности трудовых ресурсов позволит, за счет реализации принципов пространственной инклюзии, получить ряд

преимуществ. Прежде всего, это диверсификация экономики агломераций, концентрация капитала и ресурсов на конкретной территории, повышение доступности населения отдаленных территорий к благам цивилизации, снижение издержек промышленных предприятий, уменьшение инфраструктурных ограничений в связи с близостью расположения крупных агломерационных ядер.

Заключение. Принципиальной особенностью формирования современной технико-экономической парадигмы является развитие идей импакт-инвестирования (преобразующего инвестирования) и инклюзивного развития как новых составляющих технологического и социально-экономического развития, формирующей модель наилучшей деловой практики. Практику использования идей импакт-инвестирования целесообразно распространить на уровень отдельных хозяйствующих субъектов, что может повысить заинтересованность работников в итоговых результатах работы компаний, а значит, и укрепить их положение в конкурентной среде. Реализация принципов структурной инклюзии позволит вовлечь в вектор высокотехнологического развития не только среднетехнологичные отрасли, но и модернизированные низкотехнологичные. Пространственная инклюзия будет содействовать вовлечению слабо- и среднеразвитых в технологическом и экономическом отношениях территорий в общий воспроизводственный цикл экономического развития.

Литература

1. Акаев, А.А. Большие циклы конъюнктуры и инновационно-циклическая теория экономического развития Шумпетера–Кондратьева / А.А. Акаев // Экономическая наука современной России. – 2013. – № 2 (61). – С 7-29.
2. О структурно-технологической парадигме технологической модернизации экономики / А.А. Акаев, С.Ю. Румянцева, А.И. Сарыгулов, В.Н. Соколов // Кондратьевские волны. – 2015. – № 4. – С. 23-53.

3. Бабикина, А.В. Государственные промышленные корпорации и формирование новой технико-экономической парадигмы: стратегия инновационного развития / А.В. Бабикина // Вестник Таганрогского института управления и экономики. – 2015. – № 2 (22). – С. 19-22.
4. Бразевич, Д.С. Современный научный дискурс по проблеме инноваций: от технико-экономической парадигмы к социокультурной / Д.С. Бразевич // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. – 2014. – № 4. – С. 50-54.
5. Бухвалов, Н.Ю. Импакт-менеджмент и иерархичность мультиинтеллектуальной системы управления высокотехнологичным предприятием / Н.Ю. Бухвалов // Журнал экономической теории. – 2016. – №2. – С. 48-56.
6. Гуреев, П.М. Трансдисциплинарная концепция циклического развития технико-экономической парадигмы / П.М. Гуреев // Теория и практика общественного развития. – 2016. – № 3. – С. 55-58.
7. Длинные волны: научно-технический прогресс и социально-экономическое развитие / С.Ю. Глазьев, Г.И. Микерин, П.Н. Тесля и др. – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1991. – 224 с.
8. Дмитрий Медведев вывел формулу инклюзивного развития экономики Азиатско-Тихоокеанского региона [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bujet.ru/article/126201.php>
9. Закон Свердловской области от 21 декабря 2015 г. № 151-ОЗ «О Стратегии социально-экономического развития Свердловской области на 2016–2030 годы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/hotlaw/sverdlovsk/679712/#ixzz46Ls3EZpx>
10. Кокошин, А. Проблемы взаимозависимости безопасности и развития в стратегическом планировании в Российской Федерации: от целеполагания к прогнозированию / А. Кокошин, В. Бартевев // Проблемы прогнозирования. – 2015. – №6. – С. 6-17.
11. Конкурентоспособность социально-экономических систем: вызовы нового времени / под науч. ред. А.И. Татаркина и В.В. Криворотова; Минобразования и науки РФ, Урал. федер. ун-т им. первого Президента России Б.Н. Ельцина; УРО РАН, Ин-т экономики. – М.: Экономика, 2014. – 466 с.
12. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. – М.: Прогресс, 1997. – 300 с.
13. Малышкин, П.А. Формирование системы преобразующих инвестиций в территориальном общественном самоуправлении / П.А. Малышкин, М.А. Танина // Научные записки молодых исследователей. – 2016. – № 1. – С. 52-62.
14. Перес, К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания / К. Перес. – М.: Дело; РАНХиГС, 2011. – 232 с.
15. Филатова, М.Г. Структурная перестройка промышленности: сущность, закономерности, механизм государственного регулирования / М.Г. Филатова. – Екатеринбург: УрО РАН, 1999. – 227 с.
16. Райхельд, Ф. Искренняя лояльность. Ключ к завоеванию клиентов на всю жизнь / Фредерик Райхельд, Роб Марки. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2012. – 352 с.
17. Элкингтон, Э. (1997) «Людоеды с вилами» [Электронный ресурс] / John Elkington (1997). *Cannibals with Forks: The Triple Bottom Line of Twenty-First Century Business*. Capstone, Oxford. – Режим доступа: http://appli6.hec.fr/amo/Public/Files/Docs/148_en.pdf
18. Моделирование системы импакт-инвестирования в развитие информационно-коммуникационной инфраструктуры сети территориального общественного самоуправления / И.А. Юрасов, В.В. Бондаренко, М.А. Танина, В.А. Юдина // Управление развитием территорий на основе преобразующих инвестиций / под ред. В.В. Бондаренко. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2015. – С. 209-217.
19. Концептуализация понятия преобразующих инвестиций в сфере территориального общественного самоуправления на основе моделирования сетевого управления территорией / И.А. Юрасов, В.В. Бондаренко, М.А. Танина, В.А. Юдина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 3 (35). – С. 143-160.
20. Barnes, T. *New Economic Geography* / T. Barnes // *The Dictionary of Human Geography* / Edited by D. Gregory, R. Johnston, G. Pratt, M.J. Watts, S. Whatmore. – 5th ed. – Singapore: Wiley-Blackwell, 2009. – 500 p.
21. Castells Manuel. *The information Age: Economy, Society and Culture*. Vol 1 (1996), Vol 2 (1997), Vol 3 (1998). – Oxford: Blackwell.
22. Dinc, M. Sources of regional inefficiency: an integrated shift-share, data envelopment analysis and input-output approach / M. Dinc, K.E. Haynes // *The annals of regional science*. – 1999. – Vol.33, №4. – P. 469-489.

23. Fujita, M. The New Economic Geography : Past, Present and the Future / M. Fujita, P. Krugman // Papers in Regional Science. – Wiley-Blackwell, 2004. – Vol. 83. – P. 139-164;
24. Lall, S.V. Regional economic convergence: Do policy instruments make a difference? / S.V. Lall, S. Yilmaz // The annals of regional science. – 2001. – Vol.35. – №1. – P. 160.
25. Impact Investment [Электронный ресурс] / С. Leijonhufvud, N. O'Donohoe, Y. Saltuk, A. Bugg-Levine, M. Brandenburg. – J.P.: Morgan Global Research, 2010. – Режим доступа: http://ventureatlanta.org/wp-content/uploads/2011/11/JP-Morgan-impact_investments_nov2010.pdf
26. Porter, M. E. Creating Shared Value: Redefining Capitalism and the Role of the Corporation in Society Harvard Business Review / Michael E. Porter, Mark R. Kramer. – 2011. – Jan/Feb. – Vol. 89. – Issue 1/2. – P. 62-77.
27. Porter M. Creating Shared Value [Электронный ресурс] / М. Porter, М. Kramer // Harvard Business Review. – 2011. – No. 1. – Reprint R1101C. – 17 p. Режим доступа: http://www.hks.harvard.edu/m-rcbg/fellows/N_Lovegrove_Study_Group/Session_1/Michael_Porter_Creating_Shared_Value.pdf

Сведения об авторах

Ольга Александровна Романова – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН (620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29, econ@uran.ru)

Виктория Викторовна Акбердина – доктор экономических наук, профессор РАН, заведующий отделом, Институт экономики УрО РАН (620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29, akb_vic@mail.ru)

Николай Ювенальевич Бухвалов – кандидат экономических наук, доцент, Пермский национальный исследовательский политехнический университет (614990, Россия, Пермский край, г. Пермь-ГСП, Комсомольский проспект, д. 29, nbukhvalov@mail.ru)

Romanova O.A., Akberdina V.V., Bukhvalov N.Yu.

Shared Values in the Formation of a Modern Techno-Economic Paradigm

Ol'ga Aleksandrovna Romanova – Doctor of Economics, Professor, Chief Research Associate, Institute of Economics, Ural Branch of RAS (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation, econ@uran.ru)

Viktoriya Viktorovna Akberdina – Doctor of Economics, RAS Professor, Department Head, Institute of Economics, Ural Branch of RAS (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation, akb_vic@mail.ru)

Nikolai Yuvenal'evich Bukhvalov – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Perm National Research Polytechnic University (29, Komsomolsky Avenue, Perm-GSP, 614990, Russian Federation, nbukhvalov@mail.ru)

Abstract. The article presents the evolution of the concept of techno-economic paradigm. It points out that the concept of transformative investments (impact investing) has a significant impact on the formation of a modern techno-economic paradigm. In the framework of this concept, “shared values” are considered as a central element in the development strategy of any state. The ideology of shared values is based on pragmatic principles that create economic value to meet the interests of society. It is based on “three pillars of sustainable development”: planet, people and profit. The authors identify three main types of impact

investing – responsible investing, development investing, localizing investing. The paper highlights the most important areas of impact investing and substantiates the expediency of promoting the ideas of impact investing at the level of individual business entities, which formulate a specific approach to the management of socio-economic systems of the micro-level, the authors call this approach “impact management”. The ideas of impact management as a management technology designed to stimulate the development of shared values and increase the interest of each participant in the overall final results were tested at Motovilikhinskiye Zavody PJSC – one of the largest enterprises of the military-industrial complex. It is proved that the idea of impact investing is in line with the ideas of inclusive development, which allowed the authors to establish the essential similarity of these processes. The paper introduces the notions of “structural inclusion” and “spatial inclusion”. Some elements of spatial inclusion are shown on the example of the Sverdlovsk Oblast.

Key words: techno-economic paradigm; transformative investments (shared values), inclusive development, structural inclusion, spatial inclusion, impact management, agglomeration.

References

1. Akaev A.A. Bol'shie tsikly kon'yunktury i innovatsionno-tsiklicheskaya teoriya ekonomicheskogo razvitiya Shumpetera–Kondrat'eva [Large cycles of conjuncture and the Schumpeter–Kondratiev innovative-cyclical theory of economic development]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii* [Economic science in modern Russia], 2013, vol. 61, no. 2, pp. 7-29. [in Russian].
2. Akaev A.A., Rumyantseva S.Yu., Sarygulov A.I., Sokolov V.N. O strukturno-tekhnologicheskoi paradigme tekhnologicheskoi modernizatsii ekonomiki [On the structural-technological paradigm of technological modernization of the economy]. *Kondrat'evskie volny* [Kondratiev waves], 2015, no. 4, pp. 23-53. [in Russian].
3. Babikova A.V. Gosudarstvennye promyshlennye korporatsii i formirovanie novoi tekhniko-ekonomicheskoi paradigmy: strategiya innovatsionnogo razvitiya [State industrial corporations and the formation of a new techno-economic paradigm: innovation development strategy]. *Vestnik Taganrogskego instituta upravleniya i ekonomiki* [Bulletin of Taganrog Institute of Management and Economics], 2015, vol. 22, no. 2, pp. 19-22. [in Russian].
4. Brazevich D.S. Sovremennyyi nauchnyi diskurs po probleme innovatsii: ot tekhniko-ekonomicheskoi paradigmy k sotsiokul'turnoi [Modern scientific discourse on the issue of innovation: from feasibility to sociocultural paradigm]. *Nauchnyi zhurnal NIU ITMO. Seriya: Ekonomika i ekologicheskii menedzhment* [Scientific journal NRU ITMO. Series “Economics and Environmental Management”], 2014, no. 4, pp. 50-54. [in Russian].
5. Bukhvalov N.Yu. Impakt-menedzhment i ierarkhichnost' mul'tiintellektual'noi sistemy upravleniya vysokotekhnologichnym predpriyatiem [Bukhvalov N. Yu. Impact management and hierarchy of a multi-intellectual system for managing a high-tech enterprise]. *Zhurnal ekonomicheskoi teorii* [Russian journal of economic theory], 2016, no. 2, pp. 48-56. [in Russian].
6. Gureev P.M. Transdistsiplinarnaya kontseptsiya tsiklicheseskogo razvitiya tekhniko-ekonomicheskoi paradigmy [Transdisciplinary conception of cyclical nature of technical-economic paradigm development]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2016, no. 3, pp. 55-58. [in Russian].
7. Glazyev S.Yu., Mikerin G.I., Teslya P.N. et al. *Dlinnye volny: nauchno-tekhnicheskii progress i sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie* [Long waves: scientific and technological progress and socio-economic development]. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otdelenie, 1991. 224 p. [in Russian].
8. *Dmitrii Medvedev vyvel formulu inklyuzivnogo razvitiya ekonomiki Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona* [Dmitry Medvedev derived a formula for inclusive economic development of Asia and the Pacific]. Available at: <http://bujet.ru/article/126201.php>. [in Russian].
9. *Zakon Sverdlovskoi oblasti ot 21 dekabrya 2015 g. № 151-OZ “O Strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sverdlovskoi oblasti na 2016–2030 gody”* [Law of the Sverdlovsk Oblast dated December 21, 2015 No. 151-OZ “On the strategy for socio-economic development of the Sverdlovsk Oblast for 2016–2030”]. Available at: <http://www.garant.ru/hotlaw/sverdlovsk/679712/#ixzz46Ls3EZpx>. [in Russian].
10. Kokoshin A., Bartenev V. Problemy vzaimozavisimosti bezopasnosti i razvitiya v strategicheskome planirovanii v Rossiiskoi Federatsii: ot tselepolaganiya k prognozirovaniyu [The issues of interdependence between security and development in strategic planning in the Russian Federation: from goal setting to forecasting]. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian economic development], 2015, no. 6, pp. 6-17. [in Russian].

11. *Konkurentosposobnost' sotsial'no-ekonomicheskikh sistem: vyzovy novogo vremeni* [Competitiveness of socio-economic systems: challenges of the new era]. Under the scientific editorship of A.I. Tatarkin and V.V. Krivorotov. Moscow: Ekonomika, 2014. 466 p. [in Russian].
12. Kun T. *Struktura nauchnykh revolyutsii* [The structure of scientific revolutions]. Moscow: Progress, 1997. 300 p. [in Russian].
13. Malyshkin P.A., Tanina M.A. Formirovanie sistemy preobrazhayushchikh investitsii v territorial'nom obshchestvennom samoupravlenii [Formation of the system of transforming investment in territorial public self-government]. *Nauchnye zapiski molodykh issledovatelei* [Scientific notes of young researchers], 2016, no. 1, pp. 52-62. [in Russian].
14. Perez C. *Tekhnologicheskie revolyutsii i finansovyi kapital. Dinamika puzyrei i periodov protsvetaniya* [Technological revolutions and financial capital: the dynamics of bubbles and golden ages]. Moscow: Delo; RANKhiGS, 2011. 232 p. [in Russian].
15. Filatova M.G. *Strukturnaya perestroika promyshlennosti: sushchnost', zakonomernosti, mekhanizm gosudarstvennogo regulirovaniya* [Structural reorganization of the industry: the nature, regularities and mechanism of state regulation]. Yekaterinburg: UrO RAN, 1999. 227 p. [in Russian].
16. Reichheld F., Markey R. *Iskrennyaya loyal'nost'. Klyuch k zavoevaniyu klientov na vsyu zhizn'* [The ultimate question 2.0: how net promoter companies thrive in a customer-driven world]. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber, 2012. 352 p. [in Russian].
17. Elkington J. *Lyudoedy s vilkami* [Cannibals with forks: the triple bottom line of twenty-first century business]. Available at: http://appli6.hec.fr/amo/Public/Files/Docs/148_en.pdf
18. Yurasov I.A., Bondarenko V.V., Tanina M.A., Yudina V.A. Modelirovanie sistemy impakt-investirovaniya v razvitie informatsionno-kommunikatsionnoi infrastruktury seti territorial'nogo obshchestvennogo samoupravleniya [Modeling the system for impact investments in the development of information and communication infrastructure of the network of territorial public self-government]. *Upravlenie razvitiem territorii na osnove preobrazhayushchikh investitsii* [Management of territory's development based on transforming investments]. Ed. by V.V. Bondarenko. Penza: Izd-vo PGU, 2015. Pp. 209-217. [in Russian].
19. Yurasov I.A., Bondarenko V.V., Tanina M.A., Yudina V.A. Kontseptualizatsiya ponyatiya preobrazuyushchikh investitsii v sfere territorial'nogo obshchestvennogo samoupravleniya na osnove modelirovaniya setevogo upravleniya territoriei [Conceptualizing the notion of transformative investment in territorial public self-government based on the modeling of network management of a territory]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki* [News of higher educational institutions. Volga Region. Social Sciences], 2015, vol. 35, no. 3, pp. 143-160. [in Russian].
20. Barnes T. New economic geography. *The Dictionary of Human Geography*. Ed. by D. Gregory, R. Johnston, G. Pratt, M.J. Watts, S. Whatmore. 5th edition. Singapore: Wiley-Blackwell, 2009. 500 p.
21. Castells M. *The Information Age: Economy, Society and Culture*. vol. 1 (1996), vol. 2 (1997), vol. 3 (1998). Oxford: Blackwell.
22. Dinc M., Haynes K.E. Sources of regional inefficiency: an integrated shift-share, data envelopment analysis and input-output approach. *The Annals of Regional Science*, 1999, vol. 33, no. 4, pp. 469-489.
23. Fujita M., Krugman P. The new economic geography: past, present and the future. *Papers in Regional Science*, 2004, vol. 83, pp. 139-164;
24. Lall S.V., Yilmaz S. Regional economic convergence: Do policy instruments make a difference? *The Annals of Regional Science*, 2001, vol.35, no. 1, p. 160.
25. Leijonhufvud C., O'Donohoe N., Saltuk Y., Bugg-Levine A., Brandenburg M. *Impact Investment*. J.P. Morgan Global Research, 2010. Available at: http://ventureatlanta.org/wp-content/uploads/2011/11/JP-Morgan-impact_investments_nov2010.pdf
26. Porter M. E., Kramer M.R. Creating shared value: redefining capitalism and the role of the corporation in society. *Harvard Business Review*, 2011, January/February, vol. 89, no. 1/2, pp. 62-77.
27. Porter M., Kramer M. Creating shared value. *Harvard Business Review*, 2011, no. 1, 17 p. Reprint R1101C. Available at: http://www.hks.harvard.edu/m-rcbg/fellows/N_Lovegrove_Study_Group/Session_1/Michael_Porter_Creating_Shared_Value.pdf